

торь для самостоятельнаго труда (замѣтимъ, что на телеграфъ принимаются только родственники служащихъ въ томъ вѣдомствѣ чиновниковъ).

Совѣтъ здѣшняго университета, получивъ записку просительницъ, отозвался, что онъ готовъ принять на себя устройство учебной части курсовъ для женщинъ, съ тѣмъ именно условіемъ, «чтобы курсы эти не имѣли характера популярности, а были бы дѣльными (развѣ популярность исключаетъ дѣльность?) и правильными курсами.»

Г. попечитель округа, въ свою очередь, донесъ министру, что университетскій курсъ можетъ принести пользу только лицамъ достаточно къ нему подготовленнымъ, а потому «въ настоящее время можетъ быть рѣчь объ устройствѣ для женщинъ не университетскихъ курсовъ,» а подготовительнаго учебнаго заведенія. Наконецъ, самъ г. министръ призналъ «болѣе удобнымъ въ настоящее время (?) устроить *общія* публичныя лекціи, то-есть совокупныя для мужчинъ и женщинъ, на основаніи существующихъ постановленій, буде гг. профессора университета изъявятъ на то согласіе.»

Мнѣніе г. попечителя вполне справедливо: для слушанія университетскихъ курсовъ нужна хорошая подготовка, но не однимъ женщинамъ, а также и молодымъ людямъ, а между тѣмъ молодыхъ людей принимаютъ въ университетъ, хотя относительно подготовки ихъ въ нашихъ гимназіяхъ существуютъ различныя мнѣнія.

Нельзя сомнѣваться въ сочувствіи министерства народнаго просвѣщенія стремленію женщинъ къ образованію. Тѣмъ неменѣе нельзя не замѣтить, что тутъ, независимо отъ добрыхъ намѣреній министерства, произошла съ этимъ вопросомъ нѣкоторая игра словъ, при чемъ вопросъ постоянно переворачивался то той, то другой стороною кверху, и нынѣ едва ли довертѣлся до конца.

Вѣдь весь вопросъ объ устройствѣ для женщинъ отдѣльныхъ курсовъ возникъ изъ-за того, что именно *общіе* курсы сочтены были неудобными, а теперь дѣло опять сводится къ общимъ курсамъ.

Мы говоримъ «сводится». Между тѣмъ, могутъ ли профессора согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, которое совершенно несогласно съ выраженнымъ ими самими? Публичныя лекціи, по существу своему, бѣваютъ всегда популярны и должны быть популярны именно, потому что они не представляютъ правильнаго курса. На открытіе публичныхъ лекцій въ каждомъ году надо испрашивать особое разрѣшеніе, которое проходитъ двѣ инстанціи. Сверхъ того, если публичныя лекціи будутъ происходить гдѣ-нибудь въ особо-нанатой залѣ, то тамъ не можетъ быть тѣхъ пособій, которыя необходимы для «дѣльности» этихъ лекцій; если же они будутъ происходить въ университетѣ, то это будетъ опять-таки допущеніе женщинъ въ университетъ совокупно съ мужчинами.

Мало того; разрѣшеніе публичныхъ лекцій, если бы гг. профессора согласились на нихъ, отказавшись отъ своего прежняго мнѣнія, будетъ зависѣть отъ г. попечителя. Но какъ же г. попечитель разрѣшитъ публичный университетскій курсъ для женщинъ, когда по мнѣнію, котораго онъ держится, слушаніе университетскаго курса, безъ достаточной подготовки къ нему, засвидѣтельствованной предварительнымъ экзаменомъ; не можетъ приносить пользы, а потому о немъ для женщинъ въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи?

Если свестъ всѣ три отзыва по этому дѣлу, данные вѣдомствомъ народнаго просвѣщенія, то едва ли, несмотря на видимое ихъ разнообразіе и даже противорѣчіе, въ нихъ не найдется та общая черта, что каждое изъ нихъ заключаетъ въ себѣ отговорку; только отговорки различны, и послѣдняя едва ли не вѣрнѣе ведетъ къ цѣли, чѣмъ двѣ предыдущія.

Если можно быть почему-нибудь довольну отсутствіемъ женщинъ въ университетахъ, то это развѣ по поводу послѣдняго диспута въ здѣшнемъ университетѣ: все же не такъ много было свидѣтелей одной странной сцены, и «прекрасный полъ» не узнаетъ о многомъ, что дѣлается иногда въ стѣнахъ зданія, такъ мало доступнаго для него.

Истинный «любитель просвѣщенія», можетъ подумать, что диспутъ служить для провѣрки знаній магистранта или докторанта; но онъ ошибется: кто допущенъ факультетомъ до диспута, тотъ уже почти признанъ за *dignus est intrare*. Диспутъ — остатокъ отъ средневѣковыхъ университетскихъ учреждений, — есть не что иное, какъ турниръ, происходящій только для соблюденія формы. За употребленіе въ дѣло слишкомъ серьезныхъ аргументовъ, напримѣръ за уличеніе докторанта въ несомнѣнной ошибкѣ, здѣсь даже сердятся, какъ въ турнирахъ обижались на употребленіе въ дѣло копья отточеннаго или меча заостреннаго.

Такъ недавно, въ здѣшнемъ университетѣ диспутировалъ на доктора философіи г. Владиславлевъ. Все шло чинно и хорошо сначала. Спорили о такихъ невинныхъ предметахъ, какъ напримѣръ какое слово лучше «неоплатонизмъ» или «новоплатонство», «рожденіе» или «эманация». Однимъ словомъ, все шло по законамъ турнирскихъ схватокъ, въ которыхъ если и дозволяется иногда ссадить противника съ коня, то все-таки такъ, чтобы онъ падая не растерялъ всей своей учености; а бить на-повалъ и вовсе запрещено.

Оттого, когда вполнѣдствіи битва пошла не на шутку, и кто-то пригрозилъ г. Владиславлеву фалиантами, то онъ и отвѣчалъ, что «фалианты-де перевертывать не такъ-то легко», разумѣя, что законы турнира не дозволяютъ употребленіе такого тяжелаго оружія, а допускаютъ одни только *armes courtoises* (технической терминъ турнирнаго дѣла).

Оттого и самъ деканъ факультета г. Срезневскій, видя, что рыцарь, состоявшій подъ его опекой упалъ, а между тѣмъ на арену является еще г. Ушинскій и хочетъ добить павшаго, закрылъ пораженнаго своимъ щитомъ — часами, и *предписалъ г. Ушинскому говорить недолго пяти (!) минутъ*. Понятно, что г. Ушинскій, уже изъ одной вѣжливости, не могъ взяться доказать въ пять минутъ, что диссертация одобренная факультетомъ, по серьезномъ разсмотрѣнн, одобренія не заслуживаетъ; хотя и говорить, что «разрушать легко, а созидать трудно», но въ пять минутъ трудно уничтожить даже бифштексъ, а не то что ученую диссертацию.

Но почему же г. Владиславлевъ хотя въ концѣ концовъ и вышелъ побѣдителемъ, т. е. докторомъ, какъ слѣдовало—испыталъ однако неприятное потрясеніе, во время борьбы? А потому, что нашлись люди, которые свели вопросъ съ мягкой и безобидной филологической почвы на неудобную, для изящности и правильности турнира, каменистую почву философіи. Ну, и доказали г. Владиславлеву, что слова его на диспутѣ, относительно философіи Плотина противорѣчатъ фактамъ, которые указаны въ собственной его диссертации, именно по вопросу о вліяніи христіанства на этого философа. Вотъ отъ этого, турниръ и измѣнилъ свой характеръ, превратясь въ серьезную битву, среди которой г. Владиславлевъ и былъ убитъ какъ ученый, хотя впоследствии и воскресъ какъ докторъ.

А посудите, какъ все было бы прилично и съ рыцарскими законами сообразно, еслибы употреблялись только, какъ слѣдовало, копыя тупыя, обтянутыя бархатомъ филологіи. Тогда, диспутъ доказалъ бы что г. Владиславлевъ дѣлается докторомъ по своей глубокой учености. А то нынче — странно сказать! — диспуты иногда, вмѣсто того чтобы засвидѣтельствовать какъ нужно быть ученымъ, чтобы получить ученую степень, свидѣтельствуютъ, какъ нарочно, совсѣмъ обьяномъ.

Самый злѣйшій врагъ университета не могъ бы такъ ужасно надсмѣяться надъ ученымъ диспутомъ, какъ то сдѣлалъ г. Срезневскій своими «пятью минутами». Что онъ отвѣтилъ бы г. Ушинскому, если бы этотъ предложилъ ему ограничивать свои лекціи также пятью минутами, въ видахъ выгоды слушателей? По окончаніи диспута, гг. члены филологическаго факультета, исключая г. О. Миллера, великодушно вступившагося за честь диспутовъ, должны были смотрѣть другъ на друга, подобно римскимъ авгурамъ со смѣхомъ. Но къ чему же филологамъ воскрешать именно эту сторону классицизма, пораженнаго деморализацией, и такъ публично играть въ жрецы! Подумали ли г. Срезневскій, что наша публика въ послѣднее время такъ близко познакомилась съ Калхасомъ?

Одно изъ главныхъ событій въ Петербургѣ за прошлый мѣсяць—